

ЗАКЛИНАНИЕ ДЛЯ СПАСЕНИЯ ДЕМОНА

Лера Ко

18+

Лера Ко

Закливание для спасения демона

<https://litres.ru/74611234>

SelfPub; 2026

Аннотация

Заключительная часть трилогии "Жизнь в человеческом мире".

Что будет, если твое желание – быть обычным человеком – сбывается?

Ты окажешься на перепутье, раздираемый сомнениями в сделанном выборе. Что будет, если ты решишь отправиться в неизвестность в одиночку?

Ты окажешься втянутым в водоворот всех возможных пороков. А что же будет, если ты вдруг решишь, что твое место – в Раю. Легко ли тебе будет туда вернуться?

Обо всем этом предстоит хорошенько подумать Глебу, который узнает, что все это время был жертвой в чужой игре.

Лера Ко

Заклинание для спасения демона

Лера Ко

Жизнь в человеческом мире

Часть третья

Заклинание для спасения демона

Once upon a night...

Если ночью не ложиться,

Утром можно не вставать.

В кабинете мне не спится,

Хотя там стоит кровать.

В спальне я пишу упорно,

А на кухне – баловство.

Строг не будь, прости покорно,

Придержи для нас окно.

Мы с подругой моей, музой,

Быстро вещи соберем.

Мы не будем вам обузой,

Чай попьем и вдаль уйдем.

Под окном нас ждет машина –

Может, ты там за рулем?

Нет? Ну что же, нет причины

Плакать. Все переживем.

Если ночью не ложиться,

Утром можно не вставать.

Я желаю вам присниться,

А нам с музой вдаль пора.

Лера Ко

Глеб

В этом окне особенно красиво выглядел рассвет. Сейчас еще не было и шести утра, но небо уже окрасилось алыми полосами с золотистой каймой, и с каждой секундой синева все сильнее заполняла мир. Темные фигуры многоэтажек на горизонте превращались в живых созданий, в большой муравейник, внутри которого пробуждалась жизнь. Я знал, что с семи часов мир заполнится и шоркающими звуками машин, сначала редкими, а затем становящимися все более резкими, громкими. Горизонт станет белым от пушистых облаков, что размажутся по всему небу. Наступит утро. Все проснутся. Начнется новый день их – человеческой – жизни.

Тут я должен был бы сказать, что и моей тоже, но есть нюанс...

Технически я уже был мертв.

Нет, дело вовсе не в той аварии, что устроил для меня демон Михаил, изнывающий от ревности к другой представительнице своего рода. Попрощался с земной жизнью я уже очень давно, когда мне предложили стать ангелом, выдали белоснежные крылья как основную регалию, заперли в раю, обещая бесконечное счастье...

Я пробыл ангелом почти пятьсот лет, прежде чем снова захотел стать человеком.

И только глядя на рассветы в это окно, я вспоминаю о своей сущности. Восход солнца кого угодно пробьет на сентиментальности, вот что я вам скажу. Особенно если это восход в окнах больницы.

Я отвернулся. Мир пробудился. Пора было и мне.

Сегодня я планировал выйти из комы.

– Вы помните, кто вы? Как ваше имя? – осторожно спросил меня мужчина в белом халате. На вид ему было уже за шестьдесят, но хватка, которой он держал меня за руку, якобы проверяя пульс, была железной. Словно он не хотел меня отпускать из этого мира, боясь, как бы я снова не скользнул туда – *по ту сторону*.

– Да, – тихо произнес я и поразился слабости своего собственного голоса.

– Отлично. И как же? – настаивал доктор.

– Глеб.

– Глеб? А фамилия? Сколько вам лет? Что вы помните последнее? Что с вами случилось?

Мне захотелось застонать и зажмуриться. Обязательно столько вопросов разом? Я сдержал мимику, но, возможно, что-то все же ускользнуло от моего контроля.

– Достаточно пока только фамилии. Не можем же мы вас и дальше называть «Господин Икс», – постаралась пошутить медсестра, решившая прийти мне на помощь.

– Глеб Перов. Тридцать пять лет. Могу я отдохнуть? – выдал из себя я.

Все захолопотали: что-то бумажное, «давайте лекарства» и «следуйте инструкциям», «я найду к вам позже» ...

– Доктор! – окликнул я старика, уже взявшегося за ручку двери. – В каком мы городе? Ведь это не... Петербург?

Доктор чуть нахмурился.

– Нет, Глеб. Это Заполярье. Разве ты не помнишь?

– Мне снился Петербург, – соврал я.

Что ж, значит, мое проклятье уже начало действовать... Заполярье... Далековато меня зашвырнуло.

Самое сильное противоядие всем нашим проблемам (оно же и самый сильный разрушительный элемент) – это наша память. Ложась вечером в кровать и закрывая глаза, мы чувствуем ее бушующий поток. События проносятся мимо нас с разной скоростью, то задерживаясь у краешка сознания, то

пронизывая его и касаясь сердца, то заставляют вскакивать и бежать доделывать забытое и незаконченное, то, наоборот, окутывают и убаюкивают, успокаивают и утешают.

Но есть у нашей памяти и целебное свойство: она как оружие, как складной нож, который точно пригодится, если вы продираетесь по жизненным джунглям. Если ты застрял, потерялся, уперся в тупик, то, что вытащит тебя, – это твоя память. Остановись, выдохни, подумай минутку и... хорошенько прокрути в своей голове все возможные события, которые привели тебя сюда, – медленно, спокойно, не залапывая киноплёнку и не загибая уголки фотографий. Наверняка найдется если не ответ на вопрос «Почему?», то косвенные указатели на то, что стоит делать дальше.

Я знал об этом свойстве памяти всегда, и как бы ни были болезненны все воспоминания, которые я копил пятьсот лет, сейчас они мне были очень нужны.

Пятьсот лет багажа.

Тот срок, который я был ангелом.

Я не помнил своей жизни *до*, не знал, каким я был человеком, как я жил и какими людьми был окружен. Когда ты поднимаешься на небеса, тебя лишают всего лишнего груза, освобождая душу от оков страданий и мук. Я не очень был согласен с такой логикой, мне бы хотелось знать, подсмотреть, хотя бы на минуточку оглянуться и задержаться... Но увы. Я был бессилен и не мог вспомнить своего прошлого, как ни старался. Поэтому решил отныне копить новую па-

мать, дорожить ею и обращаться бережно, как с хрустальной игрушкой на елку. Пятьсот лет я жил в Раю, записывал, учился и учил. Служил и слушался, был добрым, полезным, благочестивым и гордым за свой труд, который делал мир если не лучше, то стабильнее и крепче.

Пока я не встретил ее.

Я увидел ее в театре в один очень холодный февральский вечер (как сейчас помню, это был понедельник). Она была одна, хотя уж куда-куда, а в театры не полагается ходить без сопровождения. Нет, конечно, сам-то я был исключением, поскольку мой статус и род деятельности сами по себе уже и компания, и собеседник, и спутник по жизни. Но вот почему же *эта* девушка была одна, меня, откровенно, удивило. Она села на соседний ряд, вытянув руки и облокотившись на спинку пустующего кресла впереди, наклонила голову, словно задумавшись над чем-то, решительно потрянула темными волосами, которые так красиво лежали на ее плечах, и погрузилась в спектакль, не замечая ничего вокруг.

Я не помню, о чем была постановка, потому что весь вечер просмотрел на нее: как хмурится, как поворачивает голову, как зябко ведет плечом, как посматривает на часы... Потом свет зажегся, она встала к выходу и так быстро выскользнула из здания театра, что я на какой-то миг потерял ее. Застегивалась она на ходу, не посмотрев ни на свое отражение в зеркале, ни пожелав поправить помаду. Впрочем, что там было поправлять? Она была идеальна!

Я успел выйти вместе с толпой и, стоя на верхней ступеньке, заметил, как она вложила ладонь в протянутую руку другого. Парень раскраснелся (явно долго ждал на морозе), глаза его блестели безумием, которое бывает у тех, кто испытал отчаяние от потери. Ее лицо было таким же, как и во время спектакля, что несколько приободрило меня, хотя не сказать, что я имел право на подобные мысли.

Пару раз меня толкнули выходящие люди. Если вы думаете, что в театр ходят исключительно интеллигенты, которые извиняются за каждый неловкий вздох, то вы ошибаетесь: такие ходят в кино. А пьесы обычно посещают экстремалы, безбашенные, невоспитанные и демонические сущности. Ну и те, кто за ними присматривает.

Я вернулся домой.

Дом – это очень странное название для того места, где я жил, но человеческий язык не такой уж и богатый. Так что мы часто говорим «еду к себе», хотя на самом деле мы в такси по пути к отелю, или говорим «приходи ко мне», имея в виду съемную квартиру, а слишком уж часто говорим «это не мое», когда старенькие родители зовут нас в гости, видя слишком уж редко свое повзрослевшее чадо.

Я вернулся в Рай.

Кстати, подсказать, как добратся?

Конечно же, на... поезде.

На метро.

Многим может это показаться парадоксальным, но в на-

ши края ездят поезда. Лично я их очень не люблю: шумно, гулко, людно, душно, запах машинного масла... Но если вы вдумаетесь во фразу «свет в конце тоннеля», то многие вопросы сразу отпадут. И несмотря на то, что мне не нравился этот вид транспорта, нужно отдать должное его создателю: надежный, ездит всегда без сбоев, достаточно удобно внутри, а в новых вагонах вообще комфорт. Универсальная машина для нижнего мира (земного, реального) и моего дома.

Проездной у меня был, так что очередь в кассу я миновал. На миг мне показалось, что я снова увидел ту девушку, но она-не-она тут же затерялась в толпе на перроне. Почти десять, уже не час пик, но людей в подземке всегда предостаточно. И не только людей.

Ехать долго, но хорошо хоть без пересадок. И я включил музыку в наушниках.

Это была почти что единственная моя страсть в земном мире. Хоть я и не помнил, кем был до *переезда* и моего нынешнего статуса, мне казалось, что музыка со мной всегда. Сначала она звучала где-то внутри, в душе, в сердце... Потом потребность в звуках стала почти что физической, и я нашел в каком-то магазине человеческий проигрыватель. Все хорошо, но музыка вокруг... А нельзя ли сделать так, чтобы она принадлежала только мне? Наушники – второе гениальное изобретение людей (после поездов, конечно). И с тех пор оно со мной всегда. Ноты сняты мне, и я их записываю, зарисовываю, не в силах сопротивляться музе, которая

начинает душить меня, если я отказываюсь творить. Кстати, со мной всегда небольшой блокнот. Он исчеркан моим кри-вым почерком (что ж, никто не идеален, даже ангел...), но от того, что я знаю, что у меня под рукой инструмент для успокоения беснующегося вдохновения, моя жизнь порой приобретает новый смысл. Повторюсь, я не знаю, кем был в прошлой жизни, но почти уверен, что музыкантом.

Безусловно, всем интересно, как выглядит Рай. Сколько описаний, сколько зарисовок этого места, все в унисон говорят о том, что это зеленый, цветущий мир, где все благоухает, и все художественные представления усиливаются фантазией каждого, кто добавляет личных деталей... Водопады, реки, птицы поют...

Рай у каждого свой. Никто никогда не скажет, что же точно вы увидите за теми воротами, которые распахиваются, как в старинных фильмах о приключениях, перед путниками, заблудшими и отчаявшимися. Но я могу сказать вам одно: вы его уже видели. Хоть раз в жизни то, что ждет вас после жизни, приходило, являлось вам в снах. Не напрягайте память, все равно не вспомните, по крайней мере, не сейчас. Стоя у порога в тот самый финальный миг, вы воскликнете: «Так я уже видел это место!» и будете правы. Потому что хоть раз во время земного существования завеса приоткрывается, и взору души открывается та дорога, что предстоит ему *после*. Обладатели кошмаров, задумайтесь, сейчас самое время!

Я когда-то тоже видел свой дом в одном из снов и, скажу

вам честно, совсем не удивился. Тот миг, когда мне в грезах явились эти врата, я знал, что это Рай. И был готов к встрече с новым миром. Я бы хотел себя как-то подготовить, но этого и не требовалось. Это как туризм: когда вы приезжаете в экзотическую страну, вы же все равно удивляетесь новшествам и эксклюзиву, хотя читали заранее, а может, даже говорили с теми, кто там лично уже побывал.

Итак, Рай.

Мой мир для меня выглядел несколько иначе, чем картины в стиле Paradise, которые нам предлагает интернет. Во-первых, цвета: никакого зеленого оттенка. Если вы когда-то занимались фотографией, то знаете, что в этом искусстве есть такой фильтр, как сепия. Коричневый оттенок преобладал везде: в каждом здании, строении, многоэтажке и блочном амбаре. Да-да, вы не ослышались. Здесь не было сада, не было зарослей и джунглей. Я жил в райском мегаполисе.

Правда, именно мой дом был как будто бы за городом, так что вокруг меня несколько деревьев и клумб давали возможность дышать чуть легче, чем в центре города, всегда переполненного машинами и забитого денно и ночью пробками.

Обычно я ходил пешком. Если возвращаться из мира людей, то тебя высаживают на станции перед воротами. Они единственный предмет белого цвета. Высокие, словно из камня, они распахивались внутрь и каждый раз – обеими створками, добавляя серьезности: все-таки вы в Рай входите, господа, бесшумно, но внушительно.

Зайти можно было без пропуска, тут, знаете ли, другие критерии проверки «свой – не свой». Внутри ты попадал на привокзальную площадь, откуда можно было на любом транспорте уехать в любую точку мегаполиса. До моего дома было сорок минут пешком, и я предпочитал проделывать этот маршрут на своих двоих и с музыкой в ушах, от которой я никогда не уставал. После метро мне хотелось дышать полной грудью, и я был рад видеть небо над головой, даже если оно и было цвета вельветового пальто.

Мой дом был двухэтажным, но я занимал только три комнаты наверху. Ко мне вел отдельный вход, и к двери нужно было подниматься по железной лестнице, наподобие тех, что в домах прислуги. Мне нравилось такое расположение квартиры, потому что уродливые покосившиеся перила были обвиты плющом, который весной цвел красными цветами... Конечно, у меня все было в коричневых оттенках, но базовое отличие черного, белого, красного, желтого, серого было заметно, как и все градации коричневого. Не знаю, почему мне достался такой оттенок, но про себя я называл этот мир страницами старинной книги, пожелтевшими от времени и мудрости.

Я почти никогда не видел других жильцов этого дома, но всегда слышал, что я не один. Вот играет радио, вот по утрам варят кофе, вот развешанное белье и трехколесный детский велосипед, о который регулярно спотыкалась Марго.

Марго

Кстати, Марго. Она была моей подругой, с которой я познакомился почти сразу, как сюда попал. Вообще-то именно она жила в этих трех комнатах до меня, а потом решила переехать, выбрав в качестве нового жилья квартиру с видом на реку. В день, когда мне нужно было забрать ключи, я пришел чуть раньше назначенного. Во дворе все было ровно так же, как и по сей день: коричневые стены, плющ, развешанное белье, велосипед, приоткрытые двери к соседям и развевающиеся занавески. Было лето, окна настежь: где-то телевизор, где-то радио... Этот двор жил отдельно от мегаполиса, шума и вечной суеты.

Марго вышла из дверей и спустилась по металлической лестнице, которая клацала при каждом ее шаге.

– Нашли адрес? Отлично. Вот ключи...

Я послушал все о квитанциях, об утеплении окон зимой, о старом замке, который надо сменить, но тогда нужно не забыть отдать запасной ключ соседке, о том о сем...

Повел носом, вдыхая запах своей новой жизни. Не страшно, не больно, не жаль.

– Волнуетесь? – Марго ободряюще коснулась моего плеча.

– Немного, – согласился я и добавил: – А что это вообще за место?

Марго немного удивилась.

– В каком это смысле? Это... Рай.

Я рассмеялся. Это звучало так глупо и так банально, будто бы эта девушка каждый день говорила всем, что она в Раю.

– Нет, именно это – двор, дом... Это все похоже на какую-то... базу отдыха. Да, точно! Я помню, мы с родителями ездили. На речке был именно такой дом: не то амбар, не то сарай, второй этаж закрыт, хотя мне всегда ужасно интересно было заглянуть именно наверх, но меня ругали и не разрешали бегать по железной лестнице. И именно так там вилась плющ, давая летом такие желто-зеленые шишечки, пахнущие хмелем, пылью и каникулами. Белье развешалось на ветру, и я грезил, что это парус, который мы утром поставим на лодку и поплывем вниз по реке, как раз той самой, на которую мы приехали. Красота-а-а!.. А по вечерам солнце красиво золотило мир, придавая ему оттенок... да прям как сейчас... сепия.

Марго склонила голову и чуть улыбнулась. Именно тогда я узнал, что мы не можем ничего помнить из прошлой жизни, и что рай у каждого свой. Для меня этот дом был фотокарточкой из моего счастливого детства, и я мог только догадываться, почему же именно этот эпизод из моей потенциальной памяти так отпечатался у меня в душе, что я принес его с собой даже сюда.

Правда, не все так идеально было в этом дворе.

Однажды я проснулся от странного чувства, будто свербит в ушах, в голове, в глазах, в душе... Будто у меня одна большая аллергия. Что-то звало меня, и писк, который ре-

зони́ровал в этом мире, был похож на тот, что иногда слышу перед заданием. Обычно после такого я одеваюсь и иду в офис, зная, что меня в ближайшее время отправят на землю. Но в тот раз все было как-то... неправильно. И что именно, я не мог понять сразу.

Закрывая уши руками, я скатился вниз во двор. Как был, босой, в одних штанах. Все вращалось вокруг меня, мир то обретал четкость, то плыл перед глазами, звуки усиливались и отдалялись, как пчелиный рой, и мне было больно так, как если бы все зубы внезапно решили дать о себе знать. Сквозь безумие я увидел, что во дворе произошли перемены: теперь тут был еще и гараж.

Коричневый, даже, скорее, ржавый, низкий и весьма тухлявый классический гараж, очень подходящий для таких стареньких дворов, похожих на те, что бывают на базах отдыха у реки. На воротах я увидел большой амбарный замок, приоткрытый, но висящий на створках.

Крик шел оттуда.

Я подошел ближе, раздумывая, насколько разумным было бы его открыть. Вокруг никого, решение принимать только мне.

Дрожащими руками я снял замок, отворил дверцу и установился на тусклую лампочку у потолка, мерцающую неровным светом, прямо как не-в-Раю.

Внутри находилась *она*.

Сначала я различил тушу, массивную и внушительную,

покрытую белой простыней, как тело в морге. Движения не было никакого, писк стих и стал еле слышен, но меня продолжало трясти. Я сделал несколько шагов, ватными пальцами нащупал край белой тряпки и... одним рывком стянул ее.

Это была машина.

Коричневая, покореженная, ржавая, мокрая, склизкая, но почему-то... такая родная. Стекла выбиты, внутри на сиденье – пачка сигарет, записная книжка, какие-то открытки, кассета, застрявшая в магнитофоне.

Я открыл двери, протянул руку, пощупал все предметы... Полистал странички, все исписанные нотами. Толкнул кассету – заиграла легкая музыка, прерываемая похрюкиванием жеваной пленки.

Я сел за руль, он ложился в ладонь идеально. Мое тело знало, где педали, руки хватались за рычаг на коробке передач, глаза сами смотрели в зеркало заднего вида. Сейчас в нем отражались стены гаража, а когда-то...

Кто? Что? Где? Откуда?..

Я показал машину Марго, которая пришла меня навестить в скором времени, и она долго смотрела на нее, задумчиво кусая губы. Потом словно бы решила и спросила:

– Ты знаешь, чья она?

– Ты же знаешь, что нет. Моя?

– Твоя.

– Но...

– В этот мир можно забрать только одну вещь из прошло-

го. Точнее, это она может прийти. Никто не знает, каков механизм, но что-то одно возвращается к своему хозяину, напоминая, предостерегая, помогая, утаивая или вдохновляя.

– Отлично. Значит, из своей земной жизни я забрал в Рай ржавую разбитую машину.

Марго нежно погладила меня по щеке.

– Это все, что ты увидел?

Я покачал головой, показывая, что не понимаю ее намерений.

– Ах да, в твоём мире все в фильтре сепии. У меня картинка более цветная. Пойдем...

Она повела меня в гараж, положила руку на «труп», который я частично снова накрыл простыней.

– Вот здесь, видишь? – она ткнула пальцем в одно место. – Пятна крови на капоте. Два варианта: либо ты кого-то сбил, либо...

– Это машина, которая убила меня, – закончил я ее мысль. А закончил ли? Возможно, эти слова я произнес одними губами.

С тех пор прошло пятьсот лет, а машина все так же стоит в гараже двора дома, где я живу, занимая три комнаты на втором этаже.

С тех пор я стараюсь избегать автомобилей, хожу по возможности пешком, и в день, когда встретил ту самую девушку в театре, сделал все ровно так же, как и всегда по возвра-

щении домой. Сорок минут хода, душ, зеленый чай, распахнул окно и сел листать книжку. Это была та самая записная книжка из машины, и я уже знал каждую выпуклость от ручки, начертившей ноты... Я *был* музыкантом. И я *стал* музыкантом в мире людей. Я работал двойным агентом и даже не знаю, как описать, насколько сильнее основной работы мне нравилось мое «прикрытие». Я писал музыку, я жил музыкой, я дышал нотами, я помогал людям, и я горел идеей полнейшей гармонии.

У меня зазвонил телефон именно в тот момент, когда я поднес чашку к губам. Что такое? Скоро полночь!

Меня срочно вызывали в офис. Работа? Сейчас? Не терпит до утра? Иду. Как не иду? Еду? Нет, я пешком! Уже машина?.. Настолько срочно? Да, готов.

Мир был сырым, и мне это очень нравилось. Рай цвел, был умыт, красив, ярок и красочен, хотя я и видел все через фильтр сепии. Я бы с большим удовольствием сейчас прошелся по городу, а не трясся на заднем сиденье служебного автомобиля, который как раз в этот момент зашуршал гравием и ослепил меня фарами.

Впрочем, город и из окна был хорош, освещаемый луной и отражающий все надежды этой вселенной.

Мы доехали быстро, так что на слишком уж романтический лад мне настроиться все равно не удалось.

Здание было высоким, даже не знаю, сколько именно этажей: тридцать? сорок? Я никогда не бывал на крыше. Я ни-

когда не забирался выше той ступени, на которую мне было дозволено подниматься. Я был всегда там, куда меня поставили.

Двадцать третий этаж.

Лифт на двадцать третий этаж всегда шел быстро и мягко, и я даже не успевал сосчитать, сколько же кнопочек было на панели под яркими мигающими лампочками. Двери открывались под громкое «дзынь», и я выходил сразу в холл, просторный, но уставленный вазами с растениями. Им было хорошо, поскольку света от огромных стеклянных окон во всю стену хватало в каждом уголке этого странного офиса.

В первое время я боялся заблудиться. Почему так много дверей? Как будто они возникали сами собой в самых неожиданных местах. Закутки, лабиринты... И какая же тут внутри архитектура? Здание снаружи было обычным, прямоугольным. Кто же проектировал такое расположение комнат? Да кто ж знает...

Пятьсот лет назад мне дали офис с окном. По правде говоря, куда бы ты ни свернул и в какой бы камерке ни оказался, внутри комнаты всегда будет окно, всегда будет светло, всегда будет какой-нибудь большой горшок с диковинным цветком.

Офис работал круглосуточно. К вечеру свет становился более приглушенным, более мягким, словно входил в ночной режим, но работа продолжала кипеть.

Сейчас же мне не нужно было заглядывать в свой отдел,

и я сразу направился в кабинет к начальнику, пересекая широкий коридор, заполненный жужжанием фильтров для рыб в аквариумах. Кто-то мне помахал, кто-то сонно улыбнулся, кто-то отправил документы на печать, поэтому звук жужжания усилился. Эта царившая в офисе атмосфера так гармонично укладывалась в ритм моих широких шагов, что напоминала часть сцены из фильма.

Начальника звали Андрей, но все говорили «шеф».

Сначала меня немного коробило это, но потом и я втянулся. Казалось, *шефом* он уже родился – это было и статусом, и прозвищем, и фамилией, и отчеством, и маской, и броней на сердце. Он был шеф до мозга костей, и нет смысла описывать внешность этого человека (если он вообще человек), поскольку, когда вы его увидите, и неважно, какая большая будет вокруг толпа, вы сразу поймете: это шеф.

Я постучался.

– Глеб? Приветствую. Готов?

Я всегда был готов, даже по ночам.

– Что требуется?

– Спасти душу.

Конечно же, именно в этом наша работа и заключается.

– Чью душу, шеф? – спросил я.

– Хотел бы я знать... – пробормотал шеф и наконец развернулся ко мне лицом. По его хмурому выражению я понял, что дело ой какое непростое.

Мне протянули бумаги: четыре листа – стандартные анке-

ты, фото прикреплены сверху справа, как обычно делают на бумагах для отдела кадров.

Я бегло взглянул...

Маша, Влад... а это что?

У меня похолодело в затылке.

Девушка из театра! Это же...

– Алена Маева... – прошептал я, повторяя имя на листе бумаги.

– Это трехсотлетний демон, Глеб. Сможешь избавиться от нее в одиночку?

«В одиночку» было обязательным условием для всех ангелов. Мы не работаем в парах, в тройках, в компаниях, в группах – исключительно сами. Есть только ты и твоя задача, и будь любезен, как говорится.

История была стара как мир, и проста, как пьеса Шекспира. У Вселенной свои законы, и если мы будем продолжать игнорировать знание о необходимости быть добрым, уважать, соблюдать, любить и все прочее, то для нас, жителей Рая, впрочем, как и для наших коллег этажом ниже, существовала еще одна парадигма – забота.

Все в этом мире должны заботиться друг о друге. Некоторые этого действительно хотят, некоторые стараются отстраниться и продолжить быть одиночками, но априори мы должны заботиться – о людях, о равновесии, о честном и равном сосуществовании всех и вся, включая все тех же наших коллег из люкса на минус первом этаже.

В целом жизнь демона на земле не слишком нас волновала, пока он не начинал слишком сильно вмешиваться в судьбы людей. Присмотритесь, ведь огромное же количество бесенят гуляет по столицам стран, вспахивает поля, срезает букеты лаванды и греется под средиземноморским солнышком. Мир людей – прекрасное место, как и любая квартира, если ее вовремя убирать и соблюдать правила и законы.

Но бывает и так: в мир людей приходит слишком сильный демон. Он, может, и знать не знает, что портит окружение, может, и не хотел бы влиять на ход событий, но незнание закона, как говорится, не освобождает от ответственности. Не в наших правилах вступать в прямую конфронтацию, поэтому обычно корректировка ситуации направлена на тех людей, которые могут попасть под нежелательное влияние. Если убрать источник, то и все реки высохнут рано или поздно.

Дел много. Даже если будет спасена хоть одна человеческая душа, то уже прекрасно. Как бы пафосно это сейчас ни звучало, но даже Рай понимает, что помочь всем невозможно. Но вот помочь ближнему – это уже что-то.

В моем деле у меня было трое *подзащитных* – Маша, Влад и Василиса. Я просмотрел их файлы. М-да, занятная компания. Совершенно разные люди, которые оказались впутаны в клубок демонических интриг.

Именно что клубок. Где начало, где конец, где зачин, где финал?..

Мне дали изучить дело до рассвета, и утром я уже должен

был оказаться на рабочем месте в мире людей. У меня свобода действий, развязаны руки, мы за ценой не постоим... Ангелы могут все, кроме одного: нельзя проболтаться. У меня было несколько часов, чтобы все придумать и продумать, и сценарий должен быть идеальным. В противном случае меня снимут с задания. В самом ужасном – меня раскроет демон.

В своем кабинете я сел за стол и уставился на фото Алены из папки. Вокруг меня все было аскетично. Я не люблю, чтобы меня что-то отвлекало или что-то привязывало к себе, я не люблю быть в подчинении вещей, и вот именно в этот момент я так сильно пожалел, что у меня сейчас здесь нет каких-нибудь четок, магнитиков, кружки с выпуклой ручкой, на худой конец, – ну хоть чего-то, на что я мог бы перевести взгляд!

Фото было сделано явно впопыхах: фон несколько размазан, какие-то пятна вместо зданий, черно-белые тона, что, впрочем, было неудивительно, поскольку, судя по одежде, кадр запечатлел девушку зимой. Хотя и не так просто прийти к такому выводу: демоны не мерзнут, и даже в лютую стужу они могут быть одеты (как и Алена сейчас) в пальто нараспашку и носить не соответствующие погоде солнцезащитные очки. Но я знал много демонов, и глаз у меня был очень даже наметан на детали – скучные, нудные, бытовушные детали, которые могут заинтересовать только лишь какого-нибудь моего коллегу, ангела-спецагента, но никак не слушателя этой истории. Я рассматривал девушку, которой на вид

по земным меркам можно было дать как двадцать пять лет, так и тридцать пять...

Триста тридцать три, кто бы мог подумать!

Внезапно мне очень захотелось узнать, а чем же она занимается в жизни. В земной, конечно же, а не адской. Что тут у нас?.. Театральные постановки? Спектакли? Авторские выступления? Литературные лекции?.. Серьезно? Демон-эстет? Хм...

Да, действительно: адрес, дом, фото с балкона, фото в небольшом скверике... курит... мороженое... земная подруга-поэт и менеджер по персоналу... Хм... Что-то в этой истории не так.

Я копался в досье, стараясь не отвлекаться на те кадры, на которых мой враг был без очков. Темные глаза манили меня, и я почти что прошептал сам себе под нос, что очень уж она красива. Люди часто добавляют слово «дьявольски» и еще чаще не подозревают, насколько же они бывают близки к истине.

Чувство внутри меня крепло: что-то тут не так. Алена слишком долго живет в земном мире, почему же именно сейчас она внезапно стала проблемой для людей? Еще такой странный набор персонажей: Маша работает в кастинг-агентстве, Влад вообще живет в другом городе, а Василиса... очень умная девочка, настолько умная, что за всю свою жизнь ни разу не попала ни к одному демону с контрактом, хотя таланты типа поэта или писателя приманивают та-

ковых, как цветы пчел.

Во рту появился странный привкус. Так бывает у хранителей, когда они назначены на задание. Они начинают чувствовать то, что занимает их подопечных в данный момент. То, что острее всего, что опаснее, что грустнее, что больнее, что-то, что может причинить вред. Все эти идеи и рассказы о том, что какая-то волшебная рука уберегла от сломанной ноги, от неверного шага, от аварии и от всего прочего, может быть, не масштабного, но разрушительного, не выдумки – так и есть. У нас нет радаров, мы сами себе радар. Кстати, анекдоты про то, что ангел-хранитель в отпуске, больнице или проспал (и поэтому случилось что-то такое да эдакое) тоже правдивы. А как вы думали, нам легко? Попробуй восстановиться сам после того, как отговорил кого-то прыгать с моста или разбивать кулаки о стены дома отказавшей во взаимности возлюбленной! Время нужно всем, и если мы не выглядим, как те, кому мало отведено в этом мире, это еще не значит, что мы этого времени не ценим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.